

Цикл
Ивана Оченкова и Антона Перунова

КОНСТАНТИН

Константин. Балтийский ястреб
Константин. Гроза над Бомарзундом
Константин. Вторжение

Иван Оченков
Антон Перунов

КОНСТАНТИН
ВТОРЖЕНИЕ

Ленинград
издательский дом

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-95

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 298

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Оченков, Иван Валерьевич
Перунов, Антон Юрьевич

О-95 Константин. Вторжение: роман / Иван Оченков, Антон Перунов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-189293-7

Сентябрь 1854 года. Новый этап большой войны против России. На этот раз союзные державы наносят давно подготавливаемый удар по Крыму. Что сможет противопоставить им генерал-адмирал Константин?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189293-7

© Иван Оченков, 2026
© Антон Перунов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава I

Конец лета в Питере обычно мертвый сезон. Все сколько-нибудь значимые персоны в это время либо на дачах, либо на водах, либо еще где, лишь бы не оставаться в петровском «парадизе» с его гнилой влажностью. Но нынешний 1854 от Рождества Христова года стал исключением. В столице сейчас все, от государя до последнего придворного кофешенка, ибо Империя празднует победу. Возможно, самую великую со времен отражения нашествия «двунадесяти язык» и взятия Парижа.

На Неве стоят открытые для всеобщего посещения захваченные британские и французские корабли. На многих из них явственные следы пожаров, которые нарочно не стали убирать или закрашивать, чтобы продемонстрировать всем накал боя. Публика, причем не только «чистая», рвется туда, как будто ожидает, что на шкафуте окажется маэстро Паганини и даст единственный в сезоне концерт.

Что любопытно, роскошные шляпы дам и высокие цилиндры их кавалеров вполне мирно соседствуют с простонародными платками и картузами. И тех и других доставляют на одних шлюпках, проводят

по палубам, показывают вооружение и внутреннее устройство, давая по пути краткие пояснения, как водится, безбожно при этом преувеличивая.

Раньше на Руси-матушке такое и представить себе было невозможно, но я настоял, и никто не посмел возразить. Точнее, один такой нашелся и добрался-таки до государя с жалобой на «попрание устоев», но внимательно выслушавший его Николай Павлович ничего не ответил. Однако уже следующим утром бдительный чиновник получил повышение и отправился к новому месту службы в... уездный город Саранск, а чтобы не сбежал от радости, бедолагу сопровождали два жандармских унтера. Как и следовало ожидать, это не осталось незамеченным и в стране забродило смутное ожидание перемен.

Все это еще больше подняло мою и без того бешеную популярность во всех слоях общества. Где бы ни появлялись мы с семьей, нас встречали овацией. Мужчины кричали «ура!». Дамы призывно улыбались, бешено обмахивая себя веерами. Александра Иосифовна просто купается в этих волнах всенародной славы, а вот я... задыхаюсь! Мне до смерти надоела эта шумиха и придворная суета, фальшивые улыбки и завистливые шепотки за спиной.

Будь моя воля, с радостью променял бы затхлую атмосферу дворцов на порывы соленого ветра, а благоухание тысяч цветов на вонь сгоревшего пороха. Но пока что вынужден принимать поздравления, милостиво улыбаясь всем этим сиятельным идиотам и казнокрадам, шутить с дамами, трепать по плечу великовозрастных балбесов, томимых желанием стать моими адъютантами. Ноблес оближ, чтоб его!

— Что с тобой? — прямо спросил отец, когда я на секунду сбросил маску.

— Ничего. Просто иногда не могу понять, чем я здесь занимаюсь. Мое место на юге в Севастополе, а я танцую на балах, торчу в соборах, выслушиваю ахинею от никогда не нюхавших порошу генералов и до сих пор никого из них не прибил.

— Ты о Долгорукове? — безуспешно попытался придавить меня своим оловянным взглядом Николай. — Министру не обязательно самому ходить в атаку. Его задача обеспечить армию всем необходимым...

— И с этим он тоже не справляется!

— Отчего ты так говоришь?

— Потому что это правда. Известно ли вашему величеству, куда направляются в первую очередь с таким трудом закупленные припасы и новейшее вооружение?

— И куда же?

— В гвардию. В Финляндию. В Варшаву. В армию Горчакова и даже на Кавказ! Словом, куда угодно, только не туда, куда следует!

— Постой-ка, но на последнем совещании я распорядился включить в этот список и Севастополь, как ты и просил.

— Так что с того! Все одно юг на последнем месте. А зная расстояние и «распорядительность» тамошних чиновников, дай бог, если припасы придут к концу войны.

— Но ведь усиление требуется и в других местах...

— Нет! Уверяю вас, если наши враги и рискнут появиться на Балтике, то еще очень нескоро! Так что за нее можно быть спокойными. То же касается

и европейского театра. Пока мы побеждаем или хотя бы не разгромлены, Австрия и Пруссия будут сидеть тихо, как мышь под веником. Пока что там с лихвой хватает и имеющихся сил. Усилить Кавказ можно, но не в ущерб главному направлению.

— Ты все же думаешь, что главный удар союзников будет в Крыму?

— Господи, да где же еще?

— На том же Кавказе. Есть сведения, что англичане настаивают на этом.

— Я первый пропою осанну, если им удастся настоять на своем. Но французы вовсе не горят таскать для островитян каштаны из огня. К тому же они хорошо понимают, чем это может обернуться. Нет, на помощь Шамилю они не пойдут.

— Хорошо, — сдался император. — Я поговорю с Василием Андреевичем...

— Этого недостаточно. Ваше величество, разрешите мне наконец отбыть на Черноморский флот!

— Ты все же настаиваешь на своем решении?

— Категорически! У нас ведь не так много времени.

— Зачем тебе это?

— Что?

— Костя. Ты сейчас и без того самый известный человек в России. Да что там, тебя знают, тобой восхищаются или ненавидит весь мир! Но что будет, если ты потерпишь неудачу? Не справишься... Только не говори, что такое невозможно!

— Отчего же, — легко согласился я. — Вполне возможно и даже вероятно, что кампания на Черном море будет не так успешна, как на Балтике.

— Отчего же?

— Да все просто. Здесь лучшие наши войска, находящиеся вблизи от запасов и производственных мощностей, противостояли худшим кораблям и экипажам союзников. Там все будет наоборот. Наши гарнизонные войска издавна собираются по остаточному принципу. Припасов мало, пополнить их трудно, а промышленности и вовсе нет. Англичане же с французами послали самые отборные силы из того, что у них имелись. Так что результат немного предсказуем...

— Вот как? — явно растерялся отец. — Так ты не ждешь победы, но все равно хочешь отправиться туда и принять на себя всю ответственность? Но для чего?

— Даже не знаю. Может, для того, чтобы Сашка перестал смотреть на меня с плохо скрытой завистью и раздражением? Ну не делай такое лицо, я просто пошутил.

— Это дурная шутка!

— Прости. Но если хочешь серьезного ответа, то нам вообще не победить в этой войне. Слишком уж велики силы у наших противников, и я сейчас не только о солдатах, кораблях и пушках. Однако мы вполне можем не проиграть. И вот на это я готов положить все свои силы!

— Говори, что тебе нужно?

— Немедленно направить все дивизии 3-го и 4-го корпусов в Крым. Резервную уланскую дивизию Корфа. Мы должны иметь заметное преимущество в войсках. Несколько полков казаков, лучше всего с Кавказа. Все нарезные ружья прямиком в Крым для формирования новых стрелковых батальонов или перевооружения имеющихся.

— Не многовато ли?

— Боюсь, сколько бы мы их ни создали, будет недостаточно!

— Положим, так. Но каковы должны быть штаты?

— В идеале следует перевооружить штуцерами всю первую линию. Но пока это очевидно невыполнимо. Поэтому для начала хотя бы один батальон в каждой дивизии. Затем, по мере получения вооружения, в каждом полку.

— Получается четыре в дивизии, а стало быть, в двенадцать раз больше, чем сейчас?

— Верно, и это минимум.

— Ладно. Что-нибудь еще?

— Если начнется осада Севастополя, а это практически неизбежно, нам потребуется тяжелая бомбическая артиллерия. Часть ее можно получить с кораблей, но помимо пушек нужны мортиры. Самые мощные, какие мы только сможем доставить в крепость. И, разумеется, припасы для них. Порох, бомбы и прочее.

— Доставить все это будет непросто.

— Именно так. Поэтому следует завести мастерские, чтобы иметь возможность изготавливать на месте хотя бы часть из необходимого.

— Ты сейчас серьезно?

— Вполне. Судя по отчетам, в Севастополе много уже негодных в дело старых пушек и боеприпасов к ним. Отчего бы не пустить их в дело прямо на месте, не тратя время на переписку между инстанциями и доставку?

— Хм, — задумался Николай, — разумное зерно в этом есть.

— Еще один момент. Мне сообщили, что склады в Евпатории и некоторых других приморских городах заполнены зерном и другими товарами, ко-

торый враг может с легкостью захватить. Все это просто необходимо вывезти, а если не получится — уничтожить.

— Уж с этим-то князь Александр Сергеевич справится, — отмахнулся император.

— Дай-то бог, — скептически усмехнулся я.

— Если что-то надумал, так выкладывай!

— Ваше величество, как не однократно указывалось ранее, ресурсов на данном направлении у нас недостаточно. И мне нужны полномочия, чтобы мобилизовать все, что только возможно. Невзирая на то, кому это может принадлежать. Неважно, казна ли это, частная собственность ваших или иноземных подданных, я возьму все, до чего смогу дотянуться.

— Уж этим-то ты никого не удивишь. Не было недели, чтобы канцлер не приносил мне жалобы на самоуправство твое или твоих «корсаров». Чует мое сердце, после войны нас завалят исками...

— Пусть. Не стану возражать, даже если их будут возмещать из моего содержания. Но сейчас я готов по примеру предков заложить жену и детей, чтобы вооружить нашу армию.

— Может, еще и ополчение собрать?

— Почему нет? Сейчас нам нужны солдаты и рабочие руки, а после войны ополченцев можно отправить по домам, как свободных людей...

— Довольно! — резко прервал меня отец. — Я не забыл данного тебе обещания и намерен его исполнить. Однако доводить дело до мятежа также не собираюсь. Так что всему свое время!

— Простите, ваше величество. Полностью с вами согласен...

— То-то! Тоже мне Минин выискался... Есть еще что по делу?

— Государь, позвольте мне взять с собой мою бригаду морской пехоты.

— Ты думаешь, без двух этих батальонов там не обойтись?

— Ну, во-первых, их уже три, а формируется еще два: резервный и учебный. А во-вторых, да. Они очень там пригодятся.

— Где столько «шарпсов» возьмешь?

— На первых порах обойдемся обычными штуцерами, а дальше видно будет.

— Я уж думал, ты деньги просить станешь. Спору нет, винтовка хороша, да только уж больно дорогая.

— Нет. Сейчас у нас есть более насущные потребности, а на все хотелки никакой казны не хватит.

— Это ты верно заметил. Ладно. Коли так, бери своих головорезов. Полномочия, о коих просишь, тоже получишь. Но помни, кому много дано, с того больше и спросится...

— ...А кому много доверено, с того много и взыщется, — продолжил я цитату из Евангелия от Луки.

— Верно, — покивал император, после чего размашисто перекрестил и немного дрогнувшим голосом сказал: — Благословляю тебя, сын, на подвиг ратный!

Тем же вечером ко мне пришел брат Александр. Наследник престола выглядел немного смущенным, но старался вести себя как ни в чем не бывало.

— Ты все же уезжаешь? — поинтересовался он.

— Как видишь, — оторвался я от бумаг.

— Жаль.

— Мне тоже... ты что-то хотел?

— Нам надобно переговорить...

— Александр Васильевич, — выразительно взглянул я в сторону секретаря, — пожалуй, на сегодня хватит. Продолжим завтра, если не возражаешь.

— Как будет угодно вашим императорским высочествам, — склонился в придворном поклоне Головин, после чего попятился к двери, за которой тут же исчез.

— Уф, — с удовольствием вытянувшись, поблагодарил брата. — Спасибо тебе, а то еще немного и эти проклятые бумаги погребли меня под собой.

— Всегда пожалуйста, — усмехнулся цесаревич. — Неужели они так важны, что ты должен заниматься ими лично?

— Увы, но по-другому пока не получается. Если не вникать в каждую мелочь, то и дела не будет. Впрочем, если на них заикнуться, случится ровно то же самое. Куча бумаг и прекрасно заполненных отчетов, при полном отсутствии реальных результатов. Но ты ведь не об этом хотел поговорить?

— Нет, конечно.

— Тогда я тебя слушаю.

— Костя, ты ведь знаешь, что мы с тобой не только братья, но и друзья.

— Ну, по крайней мере, мне хотелось бы на это надеяться. А что?

— И ты позволишь мне быть с тобой откровенным?

— Какая затянутая увертюра... Переходи уже к первому акту.

— Изволь. Твое назначение главнокомандующим вызвало много толков, и далеко не все им довольны.

— Я знаю. Но это на самом деле не важно. Есть только два человека, мнение которых меня интересует.

— Вот как... и кто же это?

— Государь император и его наследник. Скажи, ты тоже недоволен моим назначением?

— Нет, что ты! Я горжусь тобой и твоими победами, но...

— Что же тебя смущает?

— Ты нажил себе слишком много врагов. И я никак не могу понять почему.

— Все просто. Те люди, которые окружают нас, вовсе не заинтересованы в победе России. То есть они вроде не против, но только если достижение этой цели не станет мешать их сытому и праздному существованию. И если стоящая перед нами цель потребует от них каких-либо усилий или поставит под угрозу благополучие, они предпочтут ему поражение.

— Но почему?

— Да потому что тот же Долгоруков уже генерал и министр. И даже если не справится, а он уже не справляется, максимальным наказанием для него будет служба в Сенате или Государственном совете. Ему не надо ничего делать, у него и так все есть. И таких как он много. В каждом департаменте, в любом министерстве, губернии, присутствии.

— Так вот почему ты выгнал с флота столько адмиралов?

— Именно! Никакой пользы от этих господ нет, только места занимают, при этом так и норовя утопить все в бесконечных совещаниях и заполнении бесчисленных бумаг.

— Что ж, в Морском ведомстве ты хозяин. Но теперь тебя опасаются и в Военном.

— И правильно делают. Ты видел список, который мне прислали из министерства?

— Список?

— Кандидатов на замещение должностей в моем штабе?

— Нет. А кто в нем?

— О! Ты не представляешь, насколько замечательные лица. Сплошь заслуженные генералы.

— Разве это плохо?

— Нет, если не знать их формуляры. Странное дело, наша империя постоянно воюет, но при этом генералами часто и густо становятся люди, ухитрившиеся не принимать участия ни в одной кампании, и я решительно не могу понять, как это возможно. При этом все увешаны орденами до такой степени, как будто неоднократно громили неприятельские армии и занимали их столицы!

— Но, может, они отличились на других поприщах...

— Не без этого. Ты знаешь, что у нас нехватка всего, от оружия и пороха до зимнего обмундирования? Что для строительства улучшенных канонерок пришлось собирать деньги по подписке среди жителей Петербурга и Москвы? При том, что по отчетам все хорошо, а стало быть, деятельность подавших эти отчеты заслуживает безусловной награды!

— Неужели дела и впрямь обстоят столь дурно?

— На самом деле все еще хуже, ибо я не рассказывал тебе и половины. И эта одна из причин, по которой я отправляюсь в действующую армию. Есть надежда, что, будучи ближе к войскам, мне удастся искоренить хотя бы часть наших неустройств. Но...